

Е. Ч. БОГДЕВИЧ

*(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
Гродно, Беларусь)*

УДК 82-3

ББК Ш33(0)64-3

МОТИВ СГОРАЮЩЕЙ КНИГИ/БИБЛИОТЕКИ В ЛИТЕРАТУРЕ XX-XXI ВВ.

Аннотация: В статье прослеживается эволюция мотива сгорающей книги / библиотеки в литературе XX-XXI вв. Выявлено, что данный мотив получает широкое распространение в художественных произведениях, написанных в переломные моменты мировой истории. Книга в художественном мире произведений ассоциируется с этическими и эстетическими моделями предыдущих культурных эпох, следовательно, писатели ставят вопрос о шатком положении ценностных ориентиров мира прошлого в настоящем. Эволюция мотива выявляется на примере произведений писателей XX-XXI веков: Э. Канетти «Ослепление», Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту», У. Эко «Имя Розы», М. Зюзак «Книжный вор». Мотив сгорающей книги может быть интерпретирован в двух аспектах: с одной стороны, использование данного образа утверждает необходимость спасения книжного знания, поэтому писатели изображают трагизм существования «без книги», с другой стороны, отказ от книги – реалия современности, причем писатели-постмодернисты данный факт расценивают как подспорье для достижения гармонии, а не как апокалиптический мотив.

Ключевые слова: литературоцентризм, переходный период, мотив сгорающей книги / библиотеки, Э. Канетти, Р. Брэдбери, У. Эко, М. Зюзак.

Изучение литературного процесса второй половины XX начала XXI вв. сегодня вызывает особенный интерес, что обусловлено ситуацией переходного периода, связанного с отказом от традиций прошлого, поиском новых ориентиров. Каждый такой период в развитии культуры отмечен отказом от чтения. Современный человек библиотеке предпочитает телевидение или интернет, а если и увлекается чтением, то это, прежде всего, массовая литература – порождение переходной эпохи. Однако «феномен, который в

современной социологии имеет название "кризис литературоцентризма" впервые получил художественное воплощение четыре века назад – в словесности позднего ренессанса. Литературные истории таких знаменитых читателей европейского постренессанса, как Дон Кихот и Гамлет, выразительно свидетельствуют, что книга теряет тот абсолютный статус, который ей присваивался в рамках культуры Средневековья» [Турышева 2014: 11]. Поэтому важно отметить, что отказ от книги не является феноменом, связанным исключительно с ситуацией конца XX – начала XXI веков. Точка неравновесия, в которой находится современная культура и литература, преодолевалась человечеством не один раз, естественно, вполне оправданно говорить о том, что положение книги в обществе должно вновь укрепиться. Правда, стоит отметить, что функции литературы могут несколько трансформироваться, так как восприятие ранее провозглашенных идеалов на рубеже веков существенно изменилось: люди «перестают наделять художественное слово жизнеопределяющими функциями» [Турышева 2014: 10].

Особенность литературы как вида искусства заключается в ее способности к саморефлексии. В литературном произведении зачастую изображаются и осмысливаются процессы, связанные с ролью книги в жизни человека: Гамлет сомневается в истинности книжного знания, Дон Кихот, умирая, проклинает рыцарские романы, ставшие его путеводителем по жизни; героини многих литературных произведений копируют модели поведения и образ жизни своих кумиров – персонажей, в первую очередь, любовных романов.

В переходные эпохи актуализируется представление о мире как библиотеке, восходящее к христианскому топосу мир-книга, причем данный субтопос встречается как в литературе рубежа XIX-XX вв., так и в современной литературе, и выступает в качестве модуса познания. Существуют разные причины использования писателями данных образов: с одной стороны, библиотека, книга – «обращение к архетипическим представлениям о единстве мира, восстановление единства мира в переходную эпоху» [Булгакова 2008: 33]; с другой стороны, данные локусы соотносятся с кладбищами и лабиринтами, олицетворяя, таким образом, враждебное человеку начало [Матвеев 2004: 38]. Еще одно противоречие, на которое следует обратить внимание: библиотека, предстающая в качестве застывшего явления (отсюда образ покрытой пылью книги), может существовать только в диалоге с читателем, в противном случае существование библиотеки бессмысленно. Книга, библиотека в художественных текстах

выступают в качестве источников смысла и вместилища культурных достижений и традиций. Именно поэтому метафора «смерть книги» зачастую используется писателями переходных эпох с целью показать отказ от ценностей прошлого, утвердить необходимость поиска новых жизненных ориентиров. Одним из способов изображения отказа от книги является вплетение в ткань повествования *мотива сгорающей книги/библиотеки*. В данном случае семантика образа усложняется: разветвленная символика книги/библиотеки дополняется двойственностью толкования образа *огня*, несущего в своем значении, с одной стороны, деструктивное, разрушающее начало, с другой стороны, символизирующего очищение или, что характерно в первую очередь для христианского мировосприятия, воскресение.

Литература является своеобразным «зеркалом» действительности, писатели разных стран глубоко переживают перемены, происходящие в обществе, и особенно показательной с этой точки зрения является литература переходных эпох.

30-е гг. XX века – время, когда страны Западной Европы страдают от последствий Первой Мировой войны, кроме того, в Германии постепенно формируется националистическая идеология. Взгляды на книгу и книжное знание существенно трансформируются, мир традиционных истин уходит в прошлое. Австрийский писатель Элеос Канетти в 1935 году заканчивает работу над романом «Ослепление». Единственной ценностью, которую признает его герой (профессор-синолог Кин), является книга. Для него нет ничего дороже собственной библиотеки, поэтому, оказавшись разлученным с собственными книгами, профессор восстанавливает их дословно в своей голове. Можно предположить, что зафиксированные в голове книги – единственный способ сохранения истинного знания в эпоху социальных катаклизмов. Книги явно обесцениваются, на первый план в общественном сознании выходят экономические проблемы, социальный статус. Герой романа Э. Канетти не может существовать в таком мире, так как сам он – представитель мира прошлого. Именно поэтому финал романа трагичен: герой сжигает собственную библиотеку, вместе с которой погибает и сам. Таким образом австрийский писатель показывает неустребованность гуманитарного взгляда на мир. Э. Канетти показал не только современное ему общество, но также во многом предвидел события будущего, связанного с полным отказом от этических и эстетических идеалов прошлого.

В 1953 году, в очередной переломный момент мировой истории (капитуляция фашистской Германии, поиск новых ориентиров) выходит повесть Р. Брэдбери «451° по Фаренгейту». Идеи этого произведения во многом перекликаются с теми, которые утверждает Э. Канетти. Само заглавие повести утверждает столкновение огня и бумаги, хаоса и упорядоченности. Произведение является рефлексией американского писателя над явлениями современной ему жизни: первые годы «холодной войны» и сложившийся в стране консервативный политический климат существенно повлияли на мировосприятие писателя. Кроме того, он стал свидетелем событий Второй Мировой войны, которые также во многом определили направление его творческой деятельности. В повести описывается общество будущего, которое опирается на массовую культуру и потребительское мышление, жизнь полностью автоматизирована. Все ориентиры прошлого оказываются под запретом, произведения искусства, в первую очередь, книги рассматриваются как угроза стабильности, следовательно, первостепенная задача государственной власти – не допустить их распространения. Этим и занимается главный герой, пожарный Монтэг – зеркало идей автора, о чем он сам пишет в предисловии к повести: «но вот я ухожу, и передаю Вас в руки самого себя, под именем Монтэг» [Брэдбери 1966]. Он – «менестрель огня», типичный представитель общества будущего, но герой эволюционирует, постепенно приходит к осознанию важности книжного знания, в итоге сам становится «человеком-книгой», его задача теперь – «сохранить знания, которые еще будут нужны, сбереечь их в целостности и сохранности» [Эко 1993: 120].

Книги дают Монтэгу ответы на вопросы, которые он долгое время боялся задать сам себе: «Мы тут так веселимся, что совсем забыли и думать об остальном мире <...> Я слышал, что во всем мире люди голодают. Но мы сыты! Я слышал, что весь мир тяжело трудится. Но мы веселимся. И не потому ли нас так ненавидят? А почему? За что? Я не знаю. Но, может быть, эти книги откроют нам глаза! Может быть, хоть они предостерегут нас от повторения все тех же ужасных ошибок!» [Брэдбери 1992: 65]. Книга становится инструментом обретения гармонии, она «сшивает лоскутки вселенной в единое целое» [Брэдбери 1992: 71].

В данном произведении мотив сгорающей книги сопряжен с идеей воскрешения. Герои-книжки не пытаются сохранить бумагу, они запоминают тексты, поэтому огонь не может разрушить их знание. Кроме того, в произведении символика огня, связанная с

воскрешением, персонифицирована образом птицы Феникс. «Когда-то в древности жила на свете глупая птица Феникс. Каждые несколько сот лет она сжигала себя на костре. Должно быть, она была близкой родней человеку. Но, сгорев, она всякий раз снова возрождалась из пепла. Мы, люди, похожи на эту птицу. Однако у нас есть преимущество перед ней. Мы знаем все глупости, сделанные нами за тысячу и более лет» [Брэдбери 1992: 129]. Подобно Фениксу человечество сгорает, но у него есть возможность не повторять ошибки прошлого, для этого необходимо помнить, а инструментом памяти становится книга – символ и источник смыслов. Таким образом, в повести Рэя Брэдбери утверждается идея перерождения книжного знания, его сохранения в памяти, а не на бумаге.

Если Рэй Брэдбери четко осознает невозможность движения человечества в будущее без обращения к ценностям прошлого, отраженным, в первую очередь в книгах, то итальянский писатель Умберто Эко – один из первых представителей постмодернизма в литературе, утверждает необходимость полного отказа от идеалов прошлого. В романе *«Имя розы»* книга и библиотека становятся центром развития действия. Служение Богу в аббатстве подменяется служением книге: братья работают в библиотеке, получают книги из необходимых областей научного знания. Таким образом, книга *существует*, вступает в диалог с воспринимающим сознанием, зачастую ограниченными рамками христианской идеологии. Излишняя сакрализация книги, патетическое отношение к ней, доведенное до абсурда, становятся «формой насилия» [Лихачев 1981: 20] над книжным знанием. Слепой монах Хорхе фанатично оберегает второй том «Поэтики» Аристотеля, так как считает, что эта книга может поставить под сомнение те бесспорные истины, которым должен следовать человек: «Это книга Философа. Каждая работа этого человека разрушала одну из областей знания, накопленных христианством за несколько столетий <...> Если эта книга стала бы предметом вольного толкования, пали бы последние границы» [Эко 1993: 496]. Чтобы не допустить этого, Хорхе решает сжечь сочинение Аристотеля. Адсон и Вильгельм Баскервильский пытаются остановить монаха, потому что осознают необходимость открытия тайны второго тома «Поэтики» – книги, которая может стать отправной точкой в установлении новых истин. Все же библиотека сгорает: «Книги вспыхнули с такой яркостью, как будто их тысячелетние страницы с незапамятных времен вождели очистительного пламени и ликовали теперь, найдя возможность утолить лютую жажду пожара» [Эко 1993:

507]. Любопытно, что Вильгельм пытается спасти одни книги с помощью других, то есть герой выбирает тома, которые, по его мнению, являются менее ценными. Но сгорают все книги, спасти библиотеку оказывается невозможным, так как само ее устройство, лабиринт, затрудняет доступ к книгам. Сгорает библиотека, а за ней и все аббатство, уходят в небытие идеалы прошлого, тайна второго тома «Поэтики» Аристотеля тоже остается неразгаданной. Ситуацию пожара в библиотеке сам Умберто Эко комментирует следующим образом: «Представить себе рассказ о Средневековье без пожара так же трудно, как фильм о войне на Тихом океане без объятых пламенем истребителя, пикирующего в волны» [Эко 2015]. Но представляется возможным утверждать, что это замечание есть не что иное как постмодернистская ирония. Работая над романом о Средневековье, Умберто Эко на самом деле рассуждает о современности и о роли книги в ней. Объятая пламенем библиотека символизирует необходимость поиска той книги, которая укажет дальнейший путь развития человечества. Пустота, наступившая после пожара, станет площадкой, где будут обретены новые, преображенные ценности. «Хорхе боялся второй книги Аристотеля потому, что она, вероятно, учила преобразовать любую истину, дабы не становиться рабами собственных убеждений» [Эко 1993: 515] – это замечание Вильгельма Баскервильского может быть истолковано как завет современному человеку, который должен оставаться свободным не только от внешнего влияния, но и от границ, которые устанавливает его собственное сознание. В сущности, об этом же говорил Рэй Брэдбери в эпиграфе к повести «451° по Фаренгейту»: «Если тебе дадут линованную бумагу, пиши поперек» [Брэдбери 1982: 14].

Судьба книги во время Второй Мировой войны становится одним из сюжетобразующих звеньев романа австралийского писателя Маркуса Зузак «Книжный вор» (2006), в нем «рассказывается история, в которой книги становятся сокровищами» [Зузак 2015]. Главная героиня романа – девятилетняя Лизель Мемингер. У девочки нелёгкая судьба: её отец без вести пропал, а мать вынуждена отдать детей на воспитание приёмным родителям. По дороге к новому дому брат Лизель умирает тяжёлой смертью от болезни, мальчика хоронят на кладбище, где девочка и подбирает свою первую в жизни книгу – «Наставления могильщикам». Если первую книгу Лизель «украдала у снега» [Зузак 2015], то вторую спасла от огня: «Немцы любили что-нибудь жечь. Лавки, синагоги, Рейхстаги, дома, личные вещи, умерщвленных людей и, само собой, книги. Хороший костер из книг

всегда был им по душе – а тому, кто равнодушен к книгам, это давало возможность наложить руки на какие-то издания, которых иначе никак было не занять» [Зузак 2015]. Спасение книги из огня для девочки казалось равноценным спасению человека. Любопытно, что Рэй Брэдбери в предисловии к одному из изданий «451° по Фаренгейту» делился своими воспоминаниями о событиях Второй Мировой войны, и его взгляды во многом совпадали с точкой зрения Маркуса Зуака на проблему отказа от книги: «Когда Гитлер сжигал книги, я переживал это так же остро, как и, простите меня, когда он убивал людей, потому что за всю долгую историю человечества они были одной плотью» [Зузак 2015]. Нацисты отчетливо осознавали опасность распространения книжного знания, по их мнению, единственным ориентиром, определяющим образ мыслей немецкой нации, должно было стать сочинение Гитлера. Естественно, что произведения классической литературы, скрывающие в себе опыт прошлого, содержащие наставления будущим поколениям, сжигались. Девочка, доставшая книгу из гигантского костра, даже не осознавала, что сохраняет таким образом память культуры. Реальный исторический факт – день рождения Гитлера, костры из книг на улицах Берлина, становится объектом художественной рефлексии австралийского писателя. В данном случае огонь – отражение злой воли человека, который осознанно разрушает мир предыдущей эпохи, так как жаждет строительства новой цивилизации, не допускающей свободомыслия. В этом сходство произведений Рэя Брэдбери и Маркуса Зуака: писатели говорят об одном и том же, но художественный мир, созданный в текстах, существенно отличается. Рэй Брэдбери рисует картину будущего, хотя совершенно очевидны отсылки к событиям военного времени, Маркус Зуак называет конкретное время и место действия – Германия, 1939-1942 годы. Необходимость спасения книги от огня утверждается обоими писателями.

По мнению Д.С. Лихачева, литература всегда отражает и преображает реальность, являясь при этом «реальностью в своих произведениях: она представляет собой не только развитие общих эстетических и идейных принципов, но движение конкретных тем, мотивов, образов» [Лихачев 1981: 3]. Развитие мотива сгорающей книги актуально для писателей переходных периодов, изображающих отказ от мира прошлого, от ушедших в небытие жизненных ориентиров. Но отношение к идеалам предыдущих эпох у писателей разное. Герой романа Э. Канетти глубоко трагически переживает

смену ценностных полюсов, свидетелем которой становится. Он пытается спасти книжное знание, сохранив его в своей голове, но осознает, что современное ему общество отказалось от книги, людей занимают экономические, социальные вопросы, но никак не проблемы морали. Именно поэтому профессор Кин погибает вместе со своей библиотекой. Э. Канетти утверждает невозможность существования книги как символа мира прошлого в дегуманизованном обществе настоящего. Для Рэя Брэдбери, ставшего свидетелем трагических событий военного времени, книжное знание предыдущей эпохи было единственной надеждой на восстановление мировой гармонии. Герой его повести принимает единственно верное решение для самого писателя – становится человеком-книгой, спасательным кругом всего человечества. Постмодернистский взгляд на мир утверждает Умберто Эко, для которого пожар в библиотеке, т.е. полный отказ от мира прошлого – необходимый этап на пути к будущей гармонии, к новым этическим и эстетическим идеалам. В произведении Маркуса Зуака мотив сгорающей книги связан с враждебным, антигуманным началом, персонифицированным образами представителей нацистской власти. По мнению австралийского писателя, книга должна быть сохранена, так как только она может уберечь человека от ошибок прошлого, помогает сформировать представление об истинных ценностях. Таким образом, можно говорить об эволюции мотива сгорающей книги/библиотеки в литературе XX-XXI вв. В ситуации начала XX века жизнь общества в соответствии с моралью прошлого рассматривается Э. Канетти как невозможная, поэтому для австрийского писателя огонь – деструктивный элемент, связанный с исчезновением истинного знания. Для Рэя Брэдбери огонь становится символом перерождения и воскрешения идеалов прошлого. Люди-книжки не ощущают опасности огненной стихии, т.к. их знания существуют не на бумаге, а в памяти. Умберто Эко утверждает отказ от идеалов прошлого, поэтому моделирует в романе мир Средневековья, причем именно тот период, когда христианские ценности ставились под сомнение, отсюда – борьба идей в романе. Человек должен оставаться свободным от всяческих границ, а книга сковывает его образ мыслей, именно поэтому Умберто Эко заканчивает роман сожжением библиотеки. В романе современного писателя, Маркуса Зуака, звучит мотив спасения книги от враждебной, огненной стихии; книга помогает пережить героине самые трудные моменты ее жизни: смерть брата, бомбежки, гибель приемных родителей. Австралийский писатель рассказывает не только

историю жизни Лизель Мемингер, но и историю книги в нелегкие годы Второй Мировой войны. Спасение книжного знания для него – залог продолжения жизни.

ЛИТЕРАТУРА

Брэдбери, Р. 451° по Фаренгейту / Память человечества. М.: Книга, 1982. С.13-131.

Брэдбери, Р. Предисловие к изданию романа «451 градус по Фаренгейту», 1966 год [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://knigger.org/bradbury/fahrenheit_451/#/page/7. (дата обращения 18.04.2015).

Булгакова А.А. Топика в литературном процессе. Гродно: ГрГУ, 2008. С. 31-36.

Зузак, М. Книжный вор [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/1001377/Zuzak_Markus_Knizhnyu_vor.html. (дата обращения 19.03.2015).

Лихачев, Д.С. Литература – реальность – литература. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1981. 215 с.

Матвеев М.Ю. Этот вечный стереотип. Библиотеки и библиотекари в зарубежной литературе XX века // Библиотечное дело. 2004. №6. С. 38-41

Турьшева, О. Опасности культуроцентризма: культ литературы глазами литературы // Кризис литературоцентризма. Утрата идентичности VS новые возможности. Монография – М.: «Флинта», «Наука», 2014. – С. 11-26.

Эко, У. Заметки на полях «Имени розы» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/eko_umberto/zametki_na_polyah_imeni_rozi/read/ (дата обращения 15.04.2015).

Эко, У. Имя розы. Мн.: РИФ «Сказ», 1993. – 528 с.

Статья рекомендована д.ф.н., проф. Т.Е. Автухович